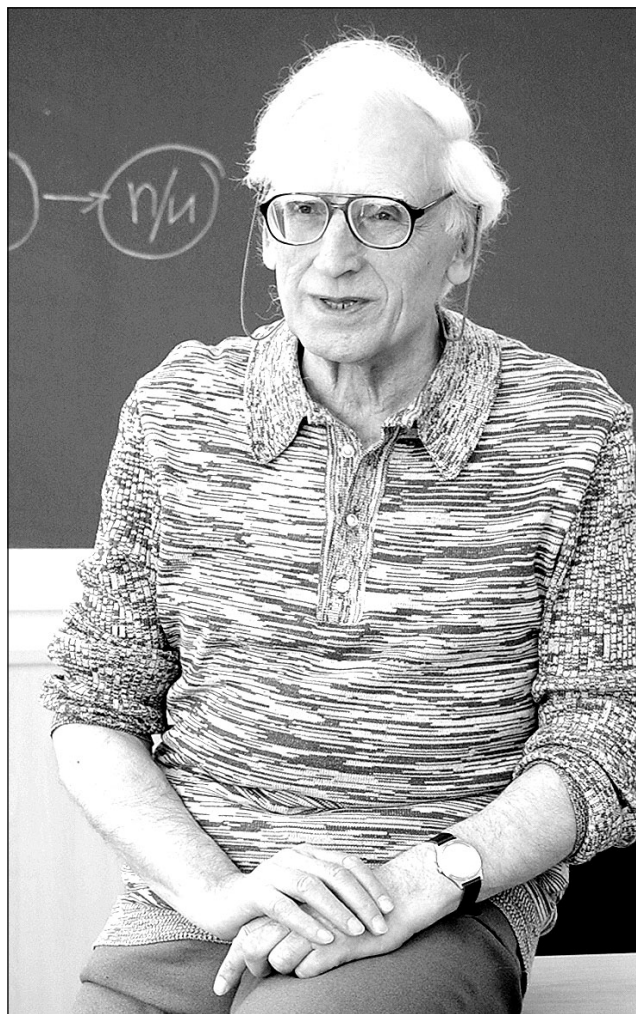


МНЕНИЕ

Шестидесятые без глянца

Почему воспоминания об НГУ и Академгородке советских времен дошли до читателя с большими затруднениями? Об этом рассказывает старейший преподаватель университета доцент **Лев Фаддеевич Лисс**

А как дальше пойдет исторический процесс — это дело самого исторического процесса.
Л. Ф. Лисс (из лекции)



— Доктор исторических наук **Сергей Александрович Красильников** во время подготовки к празднованию юбилея гумфака НГУ обратился ко мне с просьбой вспомнить о том, как создавался факультет. Я решил, что если писать, то писать подробно, потому что происходило это непросто... По готовности спросил у ответственного редактора университетского журнала профессора **Ивана Семеновича Кузнецова**: «А что с этим теперь делать?» — «Опубликуем». Опус получился пространством. В ходе обсуждения пришли к тому, что его можно либо сократить, либо напечатать в двух выпусках подряд. Но на редакционном совете исторического выпуска «Вестника НГУ» двое его членов воспротивились публикации. Возник конфликт, который должен был разрешиться голосованием. Четверо было «за», но те двое пожаловались известному академику, которому не понравился «раскол в редакции». Поэтому в университетский сборник мои воспоминания так

и не попали и в конце концов были напечатаны уже в составе отдельной книги в частной типографии. Хотя они не были злобными — скорее, наоборот. Но я писал обо всем, а не только о том, что попадало в официозную, исключительно позитивную, историю Академгородка и НГУ. Например, вспомнил слова академика Лаврентьева: «А зачем нам гуманитарный факультет? Для нас это чужеродное явление».

Если год за годом листать юбилейный «Логос» (альманах гуманитарного факультета — «НвС»), то хорошо просматривается, как ГФ, выражаясь молодежным сленгом, буквально «нарывался» на то, чтобы быть изъятым из НГУ как политически неблагонадежный. Более того — как оказывающий негативное идеологическое воздействие на студентов других факультетов. Начиная с эпатажного названия «гуманитарный» и заканчивая апофеозом эпатажа — студенческой композицией «Рыжее и Серое» в Большом зале Дома ученых.

(Из книги Л. Ф. Лисса «Мои университеты»)

— Среди ученых традиционно было мало коммунистов. Партком СО АН СССР постепенно ушел в тень, уступив партийное руководство наукой Советскому райкому КПСС. Сибирское отделение — существо вообще очень интересное. Это сейчас оно со всеми и вся вступило в договорные отношения, а раньше все явления интеграции были неформальными. Университет жил достаточно бедно, тот или иной институт для него периодически что-то приобретал. В свою бытность ректором НГУ академик **Николай Сергеевич Диканский** хотел решить проблему раз и навсегда, объединив университет и СО РАН, но попытка не удалась. Университет вообще самая трудная организация в Академгородке — 7 000 молодых людей, которые неизвестно что выкинут. Они и выкидывали: например, устроили забастовку против плохих обедов в столовой НГУ.

В конце 1960-х несколько политических процессов против диссидентов, прошедшие в Москве, вызвали сильные волнения в Академгородке. Среди недовольных были заметны гуманитарии, например, наша доцент **Мария Михайловна Громыко**. Директора институтов пытались минимизировать количество сотрудников, которые подписывали обращение о недопустимости возвращения к сталинизму и репрессиям. В ректорате и парткоме НГУ шли разговоры о переводе гуманитарного факультета в Красноярск...

И тут, раздуваясь до заговора гуманитариев, подоспело дело подписантов «письма 46-ти» — обращения группы ученых из НГУ и НИИ ННЦ, направленное в руководящие структуры страны. Ни тогда, ни сейчас не вижу в его тексте криминала. Авторы выражали опасение: не явятся ли эти процессы (диссидентов) прологом известных политических фальсификаций прошлого. Но тем самым они, хотя и косвенно, выражали сомнение в демократизме советской власти, конституционном праве КПСС быть ее руководящей и направляющей силой, честности правящей партийно-государственной верхушки и т. д. А это уже явное политическое преступление.

(Из книги Л. Ф. Лисса «Мои университеты»)

— Советское общество — интересное явление. Есть американское общество, классическая демократия, признаки которой описал еще **Токвиль**. О критериях демократического общества не смолкают и не будут смолкать споры, но на уровне обыденного сознания очевидно, что такое демократия: она либо есть, либо ее нет. В советские времена все как-то выходило из нормы, деформировалось. Находясь провокаторы каких-то возмущений, спокойная дискуссия, не успев стать таковой, сразу перерастает в конфликт. То же «письмо 46» было бы вполне нормальным элементом общественной дискуссии, если бы таковая допускалась. А его публикация в «Нью-Йорк таймс» (неизвестно как туда попавшего) сразу вызвала оценки как антисоветского, неприемлемого, враждебного. Нет ничего лучше для стагнирующего политического режима, чем изобрести в целях консолидации населения реального или мнимого, внешнего или внутреннего врага. Добавлю также, что советское общество требовало от людей высокой адаптивности, искусства приспособляться. В целом советская система была потенциально подвижна: как показала история, ее можно было ограниченно сдвигать то в сравнительно приличную сторону, то в неприличную.

Строительству индустриального и затем постиндустриального общества наиболее адекватны демократические политические режимы. Ибо в условиях представительной демократии (следовательно, тех или иных рамок политической свободы) создаются возможности для подстройки «правил игры» в соответствии с запросами быстро меняющегося времени. Поэтому социально заданный тип личности этих обществ — сплав профессионала и гражданина. Тем самым открываются шлюзы для социального творчества масс, разворачивается гражданское общество. Мне легко возразить примерами индустриализма и постиндустриализма, осуществленного «бдящим» попечением авторитаризма и даже тоталитаризма. Уроки истории показывают неизбежную обреченность этих политических режимов. Крах СССР и всего социалистического лагеря, политические перемены в странах Латинской Америки, трансформации форм демократии в европейских странах-лидерах дают убедительные доказательства этому.

(Из книги Л. Ф. Лисса «Мои университеты»)

От редакции «НвС»:

В отличие от членов редсовета исторической серии «Вестника НГУ», мы не испытывали ни малейших сомнений относительно этих воспоминаний о 1960-х. На то она и история (включая воспоминания и выводы историков), чтобы описывать все, что происходило в стране и обществе, а не только то, что сообразно сегодняшней конъюнктуре. И в наполеоновской Франции, и в блистательном цезарианском Риме творилось много чего неприглядного: почитайте Светония. Советское прошлое и «советский миф» — разные вещи, о чем деликатно напомнил нам Лев Фаддеевич Лисс. Если вы с этим не согласны, то приглашаем к дискуссии.

Подготовил Андрей Соболевский
Фото из архива Л. Ф. Лисса

Полезные ископаемые со свалок

(Окончание. Начало на стр. 4)

Однако несмотря на перспективность, не все так просто. Нельзя единым способом с использованием одних и тех же «катализаторов» отрабатывать любую произвольно взятую «помойку». Каждый объект требует отдельного научного исследования, которое должно стать обоснованием для детализации. «Разная руда с разным наполнением и с разными сопутствующими элементами требует своего индивидуального подхода. Где-то выгоден аммиачный способ, где-то окислительный», — комментирует Алексей Птицын. Есть еще и чисто «аппаратный» нюанс. Если объект маленький, то нет смысла строить вокруг него всю, образно говоря, до последнего гвоздя, инфраструктуру для проведения процесса. Существует технология, в которой небольшая установка помещается на 3—4 большегрузных автомобиля: приезжаем на место, отрабатываем объект, после этого рекультивируем почву и благополучно отбываем.

Выщелачиванию можно помочь, используя бактерии. «Они играют огромную роль в биохимии, — говорит Алексей Птицын, — у них очень много возможностей. Эти крохотные существа способны жить, работать и размножаться в очень большом диапазоне условий — не бояться температуры, кислотности, ультра-

фиолета и радиации — кроме того, их так много, что в сумме они могут произвести довольно большую работу. Использование бактерий позволяет ускорить процесс выщелачивания в полтора-два-три раза! Диапазон возможностей весьма широк: образование и разложение минералов, повышение и понижение окислительного потенциала и многое другое».

Помимо этого ученые ИПРЭК и Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН провели экспериментальные исследования, которые показали: выщелачивание различных руд можно проводить и при низких (до минус двадцати градусов по Цельсию) температурах. Причем процесс не теряет интенсивности, а, напротив, увеличивает ее практически в три раза. Это говорит о том, что технологию можно применять не только в теплых регионах, но и в более северных широтах.

По мнению Алексея Птицына, Забайкальский край является перспективным полигоном для использования и совершенствования различных технологий в целях переработки отвалов и хвостов. Однако для этого необходим консорциум различных организаций, дополнительных исследований и решения для отдельных объектов. Есть и другая проблема: сейчас законодательство не называет «помойки» месторождени-



ями (хотя сейчас готовится государственная программа, им посвященная), у них нет ГОСТа, их нельзя поставить на баланс и посчитать запасы. Тем не менее директор ИПРЭК убежден: «Работы здесь много, но ее нужно делать!»

Екатерина Пустолякова
Фото из презентации Л. Заманы:
— отвалы на реке Средняя Борзя (Забайкалье)